

И. ЭРЕНБУРГ

Большевики в поэзии

Они всюду. На забор взглянешь — обязательно с новым декретом «Футуристическая» афиша. В книжном магазине на пустующих полках — книги футуристов. На пестром вокзале, именуемом «Кафе Питтореск», где публика с Кузнецкого под музыку Грига наслаждается бриошами, — футуристы провозглашают свои лозунги:

— Да здравствует хозяин кафе Филиппов!

— Да здравствует революционное искусство!

В маленьком черном подвале, перед кроткими спекулянтами, заплатившими немало за сладость быть обруганными, и для возбуждения их аппетита, футурист поет:

Ешь ананасы!

Рябчиков жуй!

День твой последний

Приходит, буржуй!

В эти дни великого запустения, когда искусство, воистину, «в изгнании», они одни торжествуют, и это не случайно. Меж творчества соседей — большевистского декрета и футуристического анонса — родственная связь. В том и другом чисто российское сочетание европейских доктрин с нашим: «Чего глядеть!», «Валяй!», «Жги!» Те и другие «валяют», «жгут», якобы во имя создания новых, иных ценностей.

Близость футуристов к большевизму еще более подчеркивается их восприятием современности. Маяковский в стихах воспевает насаждение социализма и обличает варварство Англии, принуждающей нас проливать кровь из-за Месопотамии. Каменский переводит это на русский язык и провозглашает модное «Сарынь на кичку!». Пудренный Бурлюк, лорнируя, мило возглашает:

— Неужели вам жаль, что жгут весь этот старый хлам? Вы не хотите нового?

На этот очаровательный вопрос остается ответить лишь то, что так часто раздается по адресу большевиков:

— Если бы это было новым!

Люди, глубоко ненавидящие буржуазную культуру, с ужасом отшатываются от большевиков. Классовое насилие, общественная безнравственность, отсутствие иных ценностей, кроме материальных, иных богов, кроме бога пищеварения, — все эти свойства образцового буржуазного строя, с переменной ролью и с сильной утрировкой, составляют суть нового общества, большевистский «социализм» лишь пародия на благоустроенное буржуазное государство.

Увы, лишь пародией на умирающее «декадентское» искусство начала нашего века являются футуристы. Многим из нас глубоко чужда и порой враждебна изнуренная поэзия последних лет. Ее пафос — воспевание каких-нибудь маленьких особенностей, душевных прыщиков, что ли, одного человечка. Ее форма — изысканная, расслабленная, отвратительна, как 20-летний паралитик. Все эти рондо и газелы, лирические вздохи «под Пушкина», а то еще «под Деловича», туалетные детали чирикающих поэтесс никогда не будут играть в жизни большей роли, чем флакон духов или стакан лимонада. Мы многие жаждали и жаждем иного искусства, иной поэзии. «Вот оно! Самое новое!» — заывают в свою лавочку футуристы. «Новое»? Но почему, входя к ним, мы не чувствуем ветра влетевшего, а все тот же запах духов, только часто дурной марки? Когда в Риме, в Лютеранском музее, переходишь из языческого отделения в христианское, будто на свежий воздух выходишь. Из такого же камня саркофаги, те же сюжеты: «Сбор винограда» и др. — но, бесцветные, скучные, они преображаются, озаряются иным светом. Их форма, сразу ставшая неумелой, грубой, также свидетельствует о высоком напряжении не умещающегося в прежних рамках духа. Вот это было воистину «новым революционным искусством»! О чем поет Маяковский? Что всего дороже ему? Да что в своих стихах «сатириконских» высмеивает: благополучие. Жизнь прекрасна — ей несколько мешает пара предрассудков, две-три условности. Бог? Но его нет — Маяковский исследовал небо; впрочем, иногда он беседует с отсутствующим и предлагает ему привести на небо «девочек» и старого вина. Подвиг? Но раз за него надо заплатить — к чему он? Остаться без ноги — не хочу! Любовь? Да, только попроще, да поскорее! Иногда мешает, — если женщина предпочитает богатого! Иногда поэт недово-

лен — отчего не так устроен, чтобы можно было без мук «целовать! целовать! целовать!» А главное — я! моя жизнь! мое наслаждение! моя слава! Маяковский — очень талантливый поэт, а сидящий перед ним спекулянт стихов отроду не писал и говорить умеет лишь о накладных, вагонах и пр., но если бы он мог сказать! Он ведь уж, кроме «*bien être*» *, ничего не признает.

Целовать? О да! Девочек к Богу? Забавно! Подвиг? Предрассудок! Он уже разделил бы желание Маяковского погулять по Невскому с Наполеоном на цепочке, вместо мопса, и чтобы все девочки кричали: «Цаца! цаца! цаца!» Что сказать о других?

Бурлюк все еще не перестает «эпатировать буржуев» ограниченным репертуаром непристойностей: плохая популяризация разных французских символистов первого периода. Каменский — обыкновенный лирический поэт среднего качества — пишет экспромты, стихи в альбом, веселится, как подобает молодому человеку, и любит чуть порисоваться перед дамами, — все, как подобает. «Новое»... Может, в форме? Все футуристы начали не с нового, а с повторения крайностей «символистов».

«Все в музыке» — отсюда заумный язык, звукоподражание, подбор внутренне не связанных ничем слов. Потом поправили — пишут, как и перед ними писали.

Каменский взял от Бальмонта лишь грехи последнего — цветистую малословность.

Принят большевизм. Но эта подделка преобразования мира не заставит нас отказаться от веры в возможность иной правды на земле. Выйдя из футуристического кабака, мы не окунемся с радостью в тепленькую ванну нашей поэзии, а еще острее возжаждем горного ключа, подлинного Рождества нового искусства.

* блаженное состояние (фр.). — Ред.